

денные в книге сообщения о них слишком кратки, например Польской экспедиции в Фарасе, открывшей уникальнейшие памятники, посвящено лишь несколько строк.

В заключение следует сказать еще об одной важной части книги — об иллюстрациях. Она богато иллюстрирована 172 цветными и черно-белыми фотографиями, сделанными самим автором. В значительной степени именно они определяют лицо издания. Здесь множество пейзажей Нубии, бытовые сцены из жизни ее жителей, рабочие моменты демонтажа храмов и, наконец, виды нового музея в Хартуме. Кроме того, имеется ряд графических рисунков — планы памятников, прорисовки рельефов и т. д. Таким образом, иллюстрации полностью соответствуют той задаче, которую ставил перед собой автор, и вместе с текстом превращают книгу в широкий и разносторонний рассказ о жизни Нубии 60-х гг. и о спасении ее монументов. Впрочем, в подборе фотографий автор несколько увлекся экзотикой, но в популярном издании это не столько недостаток, сколько одна из черт жанра.

В целом можно сказать, что книга Ф. Хинкеля как популярное издание выполнена безукоризненно и несомненно уже вызвала интерес у широкого круга читателей.

А. О. Большаков

G. M. A. HANFMANN. *Sardis from Prehistoric to Roman Times. Results of the Archaeological Exploration of Sardis 1958—1975*. G. M. A. Hanfmann assisted by W. E. Mierse. With contributions by C. Foss, J. Spier, A. Ramage, S. M. Goldstein, R. V. Russin, L. Robert, F. K. Yegül, J. S. Crawford, A. R. Seager, A. T. Kraabel, H. Buchwald. Cambridge, 1983, XXXV+466 p.

Лидия занимает важную и пока недостаточно изученную страницу истории Малой Азии начала I тыс. до н. э. Лидийская цивилизация, возникшая в зоне непосредственного взаимодействия греческого полисного мира с древневосточным, представляет собой своеобразный вариант анатолийского рабовладельческого общества развитой древности¹.

История Лидийского государства дошла до нас в полумифическом отражении античной литературной традиции² и фрагментарной информации восточных, в первую очередь ассирийских текстов. Но перспективы научной реконструкции лидийской истории связаны преимущественно с прогрессом археологических раскопок, которые наиболее систематически и результативно проводятся с 1958 г. до настоящего момента на месте столицы Лидийского царства — города Сард — экспедицией³, возглавляемой известным исследователем в области малоазийской археологии и истории Г. М. А. Ханфманом⁴. Поэтому выход в свет публикации, впервые дающей обобщающее представление о материалах 18 раскопанных сезонов в Сардах, в результате которых был открыт многослойный памятник, сохранивший следы обитания от позднего каменного века до современности, является значительным событием в археологическом изучении Западной Анатолии.

¹ Дьяконов И. М. Урарту, Фригия, Лидия. — В кн.: История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ. М., 1982, с. 67—69.

² Pedley J. G. *Ancient Literary Sources on Sardis*. Archaeological Exploration of Sardis. Monogr. 2. Camb., 1972.

³ Отчеты об археологических раскопках в Сардах публикуются в «Bulletin of the American School of Oriental Research» (1959—1973 гг.); «Türk Arkeoloji Dergisi» (1959—1977 гг.); информация об исследованиях в Сардах систематически дается также в «American Journal of Archaeology» и «Anatolian Studies». С 1967 г. в соответствии с планом завершающего издания результатов археологического исследования Сард выходят серии «The Reports» и «The Monographs». Их перечень см. в «Библиографии Сард» в рецензируемом издании (см. XVII—XXVI).

⁴ См., в частности: Hanfmann G. M. A. *Letters from Sardis*. Camb., 1972; *idem*. *From Croesus to Constantin*. Michigan, 1975; *idem*. *On Lidian Sardis*. — In: *From Athens to Gordion*. Philadelphia, 1980, p. 99—132 и др.

Авторы этой публикации справедливо считают, что она поможет ученым, изучающим историю Малой Азии, ориентироваться в разнообразных материалах раскопок, частью освещенных в многочисленных и труднодоступных изданиях, частью остающихся неизданными (с. IX). Другая цель рассматриваемого труда, в значительной степени ими реализованная, — показать значение полученных археологических источников для реконструкции истории Сард, в которой выделяют (с. 17): период неолита и медного века (5000—3000 гг. до н. э.), бронзовый век (3000—1000 гг. до н. э.), периоды: лидийский (1000—547 г. до н. э.), персидский (547—334 гг. до н. э.), раннеэллинистический (334—213 гг. до н. э.), средне- и позднеэллинистический и раннеримский (213 г. до н. э. — 17 г. н. э.), Римской империи и поздней античности (17—616 гг. н. э.), византийский (616—1300 гг. н. э.) и турецкий (с 1300 г.).

Указанными выше задачами и периодизацией определена структура рецензируемого издания. В его первой главе⁵ дана характеристика топографии и экологии того района, где были расположены Сарды, и сделана попытка выявить природно-географическую обусловленность основных черт хозяйственной и социальной жизни населения этого региона. Вторая глава⁶ знакомит с археологическими материалами раннего бронзового века, обнаруженными в непосредственной близости от Сард на южном побережье Гигейского озера, и с памятниками эпохи поздней бронзы, происходящими из раскопок жилого квартала Сард на восточном берегу Пактола. Третья глава⁷ посвящена характеристике основных археологических комплексов, открытых на территории Сард и относящихся к лидийскому времени. Это — торгово-ремесленный квартал, условно именуемый «Lydian Market»; район, где были обнаружены свидетельства организованной в значительном масштабе разработки месторождения золота на севере Пактола («Pactolus North»); жилые кварталы в долине Пактола («Pactolus Cliff» и «Northeast Wadi»); комплекс сооружений на акрополе с остатками здания, идентифицируемого как дворец лидийских царей; участок с алтарем Артемиды и др. Четвертая глава⁸ содержит описание некрополя Сард, в состав которого входят курганное кладбище Бин-тепе, расположенное к северу от городища, а также вырезанные в скалах погребальные камеры на западе и юге от лидийской столицы.

Особый интерес представляет пятая глава⁹, в которой сделана попытка на основе сопоставления полученных археологических данных со сведениями античных авторов реконструировать основные черты лидийского общества и его культуры, в частности производство и торговлю, уровень развития городской жизни и архитектуру, язык и письменность, религию и др. В шестой главе¹⁰ рассматриваются археологические материалы, проливающие новый свет на историю населения Сард в эпоху персидского владычества. Главы седьмая и восьмая¹¹ соответственно посвящены эллинистическому и римскому периодам истории Сард, а главы девятая и десятая¹² содержат характеристику археологического комплекса синагоги и христианских памятников. Рассматриваемый труд завершается содержательным заключением (с. 211—216), снабжен обширной библиографией (с. XVII—XXXV), указателями и прекрасно иллюстрирован (с. 292—456).

Столь широкий хронологический диапазон содержания рецензируемой публикации не позволяет даже в самой общей форме коснуться всех ее разделов. Мы остановимся лишь на некоторых материалах, относящихся к долидийскому и лидийскому времени.

Одним из важнейших результатов археологического изучения Сард является возможность воссоздать, пусть пока во многом и гипотетично, основные черты развития

⁵ Ch. I: The City and its Environment (G. M. A. Hanfmann, Clive Foss), p. 1—16.

⁶ Ch. II: Prehistoric and Protohistoric Periods (J. Spier), p. 17—25.

⁷ Ch. III: Lydian Excavation Sectors (A. Ramage, S. M. Goldstein, W. E. Mierse), p. 26—52.

⁸ Ch. IV: Lydian Graves and Cemeteries (R. V. Russin, G. M. A. Hanfmann), p. 53—66.

⁹ Ch. V: Lydian Society and Culture (G. M. A. Hanfmann), p. 67—99.

¹⁰ Ch. VI: The Persian Period (W. E. Mierse), p. 100—108.

¹¹ Ch. VII: The Hellenistic Period (G. M. A. Hanfmann, L. Robert, W. E. Mierse), p. 109—138; ch. VIII: The Roman and Late Antique Period (G. M. A. Hanfmann, F. K. Yegül, J. C. Crawford), p. 139—167.

¹² Ch. IX: The Synagogue and the Jewish Community (A. R. Seager, A. Th. Kraabel), p. 168—190; ch. X: Christianity: Churches and Cemeteries (G. M. A. Hanfmann, H. Buchwald), p. 191—210.

населения данного региона Западной Анатолии в период, предшествующий возникновению могущественного Лидийского царства, блестящий расцвет которого в 687—552 гг. до н. э. причудливо, но прочно запечатлелся в памяти греков. В частности, есть основание говорить о существовании поселения раннего бронзового века (около 2500 г. до н. э.) в Ахлатли Тепесик, Эски Баликхан и других пунктах на южном побережье Гегейского озера, где были обнаружены захоронения в пифосах и каменных ящиках, сопровождаемые сосудами, в основном монокромными и изготовленными без гончарного круга (среди которых имеются экземпляры йортанского типа), а также бронзовыми булавами, медными кинжалами, роликами веретен (с. 17—18). Примечательны встречающиеся среди погребального инвентаря украшения из золота и серебра (с. 8). По мнению Г. Ханфмана, в материальной культуре этого района уже в III тыс. до н. э. сочетаются культурные традиции из Центральной Анатолии и из Эгеиды (с. 212).

Непосредственно на городище Сард найдены остатки жилищ и кремационные захоронения, датируемые поздним бронзовым веком (около 1400 г. до н. э.). Но отсутствие монументальных остатков дворцовых сооружений и письменной традиции позволяет, по мнению исследователей Сард, предполагать здесь в конце II тыс. до н. э. в лучшем случае лишь весьма периферийный вариант общества «дворцового типа» (с. 97) и не дает основания для ассоциации Сард этого периода с Ассуйой или другим крупным западноанатолийским государством, упоминаемым в анналах хеттских царей.

Как отмечает Г. Ханфман, хеттское влияние в Сардах археологически прослеживается слабо (с. 68). Но интересен факт существования здесь кремаций, которые, как известно, на территории Малой Азии во II тыс. до н. э. зафиксированы в Трое VI (1325—1275 гг. до н. э.) и Хатгусе в период от Древнего до Нового царства. Для понимания происхождения кремационного обряда в Сардах небезынтересно, что кремации не встречаются во II тыс. до н. э. в соседнем Гордионе¹³.

Археологические материалы, представленные в рецензируемом издании, проливают свет на сложнейшую проблему генезиса лидийского этноса, лидийской государственности и культуры. Анализ антропологических материалов из Сард показал, как установил Д. Финкель, что физический тип обитателей лидийской столицы оставался неизменным в период с 2600 г. до н. э. до начала нашей эры (с. 83—84). Это позволяет предполагать, что зафиксированные письменными источниками или гипотетично постулируемые миграции не оказали существенного воздействия на развитие местной культуры, или допустить, что пришельцы принадлежали к биологически близкому типу (с. 96). Нам представляется, что в данном случае необходимо, как убедительно обосновал И. М. Дьяконов¹⁴, учитывать несовпадение антропологической, лингвистической и культурно-исторической преемственности, которое, очевидно, имело место и в истории этноса, населявшего Сарды.

Археологические данные показывают, что, хотя в Сардах конца II тыс. до н. э. установлено присутствие микенской керамики (с. 23) и обнаружены следы пожара, датируемые около 1200 г. до н. э. и ассоциируемые Г. Ханфманом с сообщением античной традиции о начале правления династии Гераклидов за 505 лет до Кандавла (т. е. около 1200—1190 гг. до н. э.), микенская керамика здесь, постепенно развивающаяся в субмикенскую и протогеометрическую, составляет лишь незначительный процент от общего количества обнаруженного керамического материала местного анатолийского происхождения. При этом отмечено, что в развитии анатолийской керамики Сард на рубеже II—I тыс. до н. э. не отмечается существенных изменений, а «микенская» керамика является в основном копиями местного производства, что также имеет место в Трое VII A и Б и в Тарсе. Все это побуждает Г. Ханфмана признать, что, хотя греки, очевидно, поселились в Сардах в период «темных веков», культура раннего железного века здесь оставалась в своей основе местной, западноанатолийской (с. 25).

Полученные результаты археологических исследований позволили авторам рецензируемого труда представить генезис лидийской цивилизации как сложный процесс, в котором западноанатолийский субстрат, восходящий к доиндоевропейским земледельческим культурам, подвергся эгейско-греческому и ближневосточному влиянию (с. 97). Устойчивые контакты с греческим миром явствуют из того факта, что микенская (конец XIII—XI вв. до н. э.) и протогеометрическая (XI—X вв. до н. э.) керамика

¹³ Mellink M. J. A Hittite Cemetery at Gordion. Philadelphia, 1956, p. 45, 57.

¹⁴ Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, с. 7—9.

ка в Сардах непосредственно продолжают греческой геометрической и лидийскими копиями последней. Серединой VIII в. до н. э. датируется появление керамического импорта из Коринфа. Но для освещения связей с ближневосточными культурами I тыс. до н. э. археологические данные в Сардах минимальны, хотя контакты с государствами Передней Азии убедительно реконструируются на основе восточных письменных свидетельств и обнаруживаются в фактах культурного взаимодействия (с. 98).

Что касается вопроса о фригийском влиянии в Лидии, то он пока в значительной степени остается открытым и требует дальнейших исследований. Предполагаемая политическая зависимость Лидии от Фригии в VIII в. до н. э. археологически фиксируется слабо. Правда, можно говорить об общих чертах фригийской и лидийской керамики в период «темных веков» (с. 75), о фригийском воздействии на монументальную архитектуру Сард (с. 75). Но самым убедительным свидетельством фригийского влияния, очевидно, следует считать возникновение курганного обряда погребений у лидийцев, который представлен некрополем в Бин-тепе. Аэрофотосъемка и фотограмметрические исследования позволили установить здесь существование около 90 курганных погребений. Свыше 20 из них было раскопано в 1958—1975 годах. Среди курганных захоронений Сард выделяют так называемые «царские», высота курганных насыпей которых варьируется от 1 до 15 м, а диаметр — от 10 до 40 м. Самое раннее курганное захоронение датируется временем не ранее Гигеса (680—645 гг. до н. э.). Подкурганные сооружения в большинстве своем представлены погребальными камерами. Но в отличие от Гордиона, где погребальные камеры были выстроены из дерева и изобиловали фрагментами деревянной мебели, погребальные сооружения в лидийской столице сооружались из местного известняка, а иногда (захоронение Алиатта) из блоков белого мрамора и имеют дромосы. По мнению авторов рецензируемой публикации, собственно лидийским и, возможно, восходящим к анатолийской традиции II тыс. до н. э. типом погребальных сооружений были вырезанные в скалах погребальные камеры (с. 59).

Важно подчеркнуть, что у лидийцев, как и у фригийцев, курганный обряд выступает в функции не столько этнического, сколько социального признака и ассоциируется с представителями верхушки социальной иерархии, носителями царской власти. Примечательно, что наиболее крупные курганные погребения в Сардах строятся именно в период, когда Лидия претендует на роль преемника фригийской гегемонии в Анатолии (с. 75). В целом же, как подчеркивает Г. Ханфман, Фригия представляла собой иную по сравнению с Лидией амальгаму анатолийского, восточного и эгейского компонентов (с. 98).

Причиной внезапного и блистательного подъема лидийского могущества Г. Ханфман считает начало разработки золотоносных месторождений на Пактоле (с. 76). Оставляя открытым вопрос о возможности получения местного золота уже при Мидасе, исследователь отмечает, что пока не обнаружено свидетельств получения золота на Пактоле ранее времени Гигеса. Уникальная система золотодобывающих сооружений в Сардах возникает или при Ардесе, или, что более вероятно, при Алиатте. Археологические исследования в Сардах дали возможность уточнить наши знания о технике изготовления первых в истории человечества монет, уточнить датировку их появления. При этом развитие техники чеканки электровой и золотой монеты и ювелирного дела в Сардах Ханфман склонен связывать с приходом на службу к лидийским царям месопотамских мастеров. По его мнению, весовой стандарт лидийских монет воспроизводит вавилонский, и изображение львиной головы на ранних лидийских монетах может отражать ассиро-вавилонское влияние (с. 77). Все это представляется вероятным в контексте того, что известно о контактах Гигеса и его преемников с Ассирией и Вавилоном. Но не следует игнорировать и тот факт, что в самой Анатолии, как на востоке (Алака-Туюк, Махматлар, Хороз-тепе), так и на западе (Троя, Дорак), зафиксированы традиции ювелирного дела, восходящие к III тыс. до н. э. Поэтому не исключено, что лидийцы могли опираться и на местный анатолийский опыт в обработке драгоценных металлов. Интересно в этой связи и предположение Де Вриза о том, что обнаруженные в Мегароне 3 докimmerийского Гордиона золотые шарики без штампа, но определенного веса могли выполнять функцию протомонеты¹⁵.

¹⁵ De Vries K. Greek and Phrygians in the Early Iron Age.— In: From Athens to Gordion. The Papers of a Memorial Symposium for R. S. Young. Philadelphia, 1980, p. 34.

Находка царского монетного штампа позволяет предположить, что в Сардах была монополия царя на производство монет (с. 76—77). По мнению Г. Ханфмана, лидийским царям принадлежали установки для получения золота, располагавшиеся вдоль Пактола, каждую из которых обслуживали от 20 до 50 человек (с. 77). Находки монет в раскопанном торгово-ремесленном районе Сард очень редки, поэтому 30 золотых статеров Креза, обнаруженные в богатом погребении, датированном 547 г. до н. э., косвенно свидетельствуют о том, что деньги концентрировались в руках царя и богатых торговцев. Но археологически засвидетельствованное производство ювелирных изделий в торгово-ремесленных кварталах Сард (НоВ и Р) указывает, как считает Г. Ханфман, на то, что изготовление и продажа предметов из драгоценных металлов могли осуществляться и вне дворца (с. 78).

Одним из самых важных результатов археологического изучения Сард исследователи считают возможность конкретизировать оставшуюся во многом теоретической модель традиционного дворцово-храмового города Анатолии (с. 69). Уточнены планировка и архитектурный ансамбль города VII—VI вв. до н. э., в котором различаются оборонительные сооружения, дворцовый район на акрополе, жилые и производственные кварталы нижнего города, некрополь. Однако далеко не вся площадь Сард лидийского времени исследована археологами: размеры лидийского города сейчас определяются приблизительно протяженностью с севера на юг в 2650 м, с востока на запад — 1000 м.

Интересна попытка Г. Ханфмана проследить на основе полученных археологических данных постепенный рост и изменение архитектурного ансамбля Сард как отражение прогрессирующего развития Лидийского государства в период от Гигеса к Крезу (с. 74—75). Рассматривая Сарды как закономерный этап развития анатолийской урбанистики, Г. Ханфман подчеркивает роль лидийской столицы как центра ремесла и «свободной» торговли и отмечает, что типологически Сарды были ближе к торговым городам Греции и Восточного Средиземноморья, чем к Гордиону, в котором, по мнению исследователя, преобладал «дух мощной феодальной власти и патриархальной гомеровской жизни»¹⁶.

В рецензируемой публикации содержится ценнейший археологический материал, проливающий новый свет на многие стороны экономической и социально-политической жизни Лидийского царства эпохи его расцвета.

Большой интерес представляет и попытка Г. Ханфмана дать историческую интерпретацию этому материалу. При этом, сознавая естественную ограниченность познавательных возможностей археологических источников, исследователь при выяснении ряда вопросов опирается на сведения античной традиции. В частности, пытаясь воссоздать социальную структуру лидийского общества (с. 83—86), Г. Ханфман основывается на сообщении Геродота (I, 93) и других античных авторов и реконструирует состав лидийского общества следующим образом: царь, аристократия, жрецы, «девушки, занимающиеся своим ремеслом на дому», купцы, ремесленники, «свободные люди», рабы. Исследователь акцентирует внимание на моментах совпадения и расхождения данных археологии и письменной традиции. Так, он отмечает отсутствие археологических материалов, позволяющих судить об административном аппарате лидийских царей, о лидийских храмах и жречестве и др. (с. 73—74).

Но существенные ограничения на полноту и достоверность интерпретации социально-экономического и политического развития Лидии, предлагаемой в рецензируемом исследовании, накладывает то обстоятельство, что его авторы оперируют взятыми априори терминологией и понятиями, относящимися к феодальному обществу. В частности, курганные погребения на некрополе Сард рассматриваются как захоронения «феодальных семей, владевших и управлявших значительными земледельческими районами и, по-видимому, признававших верховную власть правителя Сард» (с. 55), как «выражение стремления царя и класса феодалов продемонстрировать военное могущество и богатство» (с. 56). Основную тенденцию социально-экономического развития Лидии Г. Ханфман понимает как «внезапный» переход, вызванный началом разработки месторождения золота на Пактоле, от натуральной дворцовой экономики феодальной всаднической аристократии, «накладывавшейся» на «сельско-пастушеское

¹⁶ Hanfmann G. M. A. On Lydian Sardis.— In: From Athens to Gordion..., p. 107.

хозяйство пастухов и крестьян» (с. 80), к городской экономике, в которой определяющими явлениями считаются государственная чеканка электровой и золотой монеты и система «свободной» торговли (с. 83). Обращает на себя внимание и замечание о том, что в Сардах «ничего не найдено, что ясно указывало бы на рабов и рабство» (с. 86).

Но археологические данные, как известно, не могут дать прямую информацию о существовании конкретных форм зависимости. И поэтому важно, с каких историко-теоретических позиций эти данные интерпретируются. В этом плане рассмотрение советскими учеными истории Лидийского царства VII—VI вв. до н. э. как закономерного этапа развития рабовладельческого общества на территории Малой Азии представляется несомненно научно более обоснованным и перспективным¹⁷.

Мы коснулись только некоторых вопросов, нашедших отражение на страницах рецензируемого издания. В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что оно существенно расширяет источниковые возможности изучения анатолийской государственности начала I тыс. до н. э. и должно привлечь интерес советских ученых.

Т. А. Моисеева

¹⁷ См., в частности, Соловьева С. С. Лидия при Гигесе и ее взаимоотношения с Ассирией. — В кн.: Древний Восток. Вып. I. М., 1975, с. 246—261.

Essays on Gupta Culture. Ed. by B. L. Smith. Motilal Banarsidass, Delhi etc., 1983, XVII+360 p.

Сборник статей «Очерки по гуптской культуре» объединяет публикации крупных историков, религиоведов, литературоведов, искусствоведов и культурологов европейской и индийской школ индологии, посвященные важнейшему этапу развития древнеиндийской государственности и эпохе расцвета классической древнеиндийской культуры — Индии периода Гуптской империи (ок. 320—550 гг. н. э.). Издание состоит из введения, статей, включенных в три раздела — «Политическая власть и ее узаконение», «Религиозный плюрализм», «Литературное и художественное выражение эпохи», и двух историографических обзоров — «Гуптская история и литература» Э. Землиот и «Религия и искусство в век Гуптов» Б. Смита (издателя сборника). Поскольку, таким образом, монография содержит наряду с конкретными исследованиями ретроспективный анализ предшествующих работ, представляется целесообразным характеристике каждого из ее разделов предпосылать основные выводы историографии.

Гуптская эпоха в истории древней Индии, считает известный историк А. Бэшем¹, сопоставима по своему значению с очень немногими яркими страницами мировой цивилизации, которые мы видим, например, в Перикловой Греции или Танском Китае. «Золотой век» индийской культуры нельзя, однако, рассматривать в отрыве от реальных предпосылок догуптской истории — прежде всего послемаурийской (II в. до н. э. — III в. н. э.). Среди факторов, определивших «гуптский расцвет», автор выделяет, в частности, значительное расширение контактов древней Индии с внешним миром начиная с греко-бактрийского периода (II в. до н. э.), за которым следовали такие плодотворные в этом отношении эпохи, как шакская (I в. до н. э.), парфянская (I в. н. э.) и, наконец, кушанская (I—III вв. н. э.). С другой стороны, духовный климат гуптской эпохи невозможно понять вне рассмотрения тех аспектов древнеиндийской культуры и «идейных процессов», которые были связаны, например, с развитием индуистского пантеона и соответствующего ему «нового» культа, появлением «Бхагавадгиты» и других дидактических разделов эпоса, развитием традиции дхармашастр, санскритской драмы и кавьи, а также гандхарской синкретической школы изобразительного искусства. Основные же вехи периодизации самой гуптской эпохи восстанавливаются (при отсутствии в Индии местной реалистичной исторической традиции) на основании си-

¹ См. его характеристику классической древнеиндийской культуры в кн.: Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М., 1977.